

СИГОМ И СОЗДАТЕЛЬ

Фантастический рассказ

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

СТАРИК

Он сидел в глухой аллее парка и читал газету. Из раскрытой хозяйственной сумки выглядывал замороженный дыпленок. Воздух был почти неподвижен, в нем парили пахучие пушинки...

В аллее появился высокий молодой человек с крупными, слишком правильными чертами лица, которые обычно не запоминаются. Увидев старика, он подошел к нему и сел на скамейку. Заглянул в газету. Старик обрадовался возможному собеседнику, поспешно сказал:

— Взгляните, не правда ли, впечатляет, — он ткнул в газету кривым пальцем. — Известный гошник. Разбился, достигнув скорости триста миль в час...

— Зачем?

— Что — зачем? — удивился старик.

— Зачем ему нужна была эта скорость? Он спешил на свидание, на помощь кому-то, спасался от опасности?

Старик внимательно посмотрел на собеседника и пожал плечами. На всякий случай даже немного отодвинулся.

— Сколько вам лет? — спросил незнакомец.
— Семьдесят шесть.
— Чем вы занимаетесь?
— Я был мастером на строительстве, потом служил в конторе.

— А теперь?
— На пенсии.
— Что же вы делаете?

Старик улыбнулся. Этот широкоплечий молодой красавец чем-то напоминал сына.

— Живу. Читаю газеты. Смотрю телевизор. Помогаю детям воспитывать внуков. Но и те и другие плохо слушают мои наставления.

— И повторяют ваши ошибки?
— Пожалуй, так, — засмеялся старик.
— А цыпленка вы несете им?
— Им и себе, — старик насторожился. В голосе собеседника ему посылались новые, странные нотки.

— Где они живут?

— Кто?

— Внуки. Те, кому вы несете цыпленка. Адрес?

«Сумасшедший? Грабитель? Чего он от меня хочет? Адреса-то я ему не скажу...» На миг в памяти старика мелькнул адрес, и тут же незнакомец вслух повторил его.

«Как же это я проговорился?» — ужаснулся старик. Его губы тряслись.

— Зачем вам адрес?

— Хочу отнести вашим внукам цыпленка. Они не должны оставаться голодными.

— Но я же принесу его...

— Вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Видите ли, я не просто человек, а человек синтезированный — сигом. Я питаюсь не так, как вы, люди. Вы употребляете в пищу растения и животных, затем следует длинный цикл переработки пищи, накапливается в клетках топливо — АТФ, аденозинтрифосфорная кислота. И только потом вы извлекаете из нее энергию, необходимую для жизни. А я питаюсь чистой АТФ. И когда я беру ее из существа, оно погибает. А сейчас я проголодался...

— И вы хотите... — от страха старик не мог продолжать. В мозгу металась жалкая мысль: «Он обманывает, шутит... Или это сумасшедший? Но тогда он может убить. Хоть бы кто-нибудь из прохожих появился. Надо же мне было сесть в этой аллее...»

— Я не обманываю и не шучу. Как видите, я знаю ваши мысли. И никто из прохожих не поможет. Успокойтесь. Это будет мгновенно, не успеете ничего почувствовать.

— Но вы же не захотите совершить преступление...

— А если бы вас убил голодный тигр, он бы совершил преступление? А когда вы и ваши внуки едите цыпленка? Так вы устроены. А я устроен несколько иначе. Я и так делаю для вас все, что могу. Я ведь не убиваю внуков, которым предстоит повторить ваши ошибки. А вам уже ничего не предстоит. За-

чем вам жизнь? Внуки будут только рады избавиться от лишних наставлений.

— Но разве нельзя получить это вещество, это топливо от животного, от собаки например, — старик хватался за соломинку. — В парк приходят гулять с собаками...

— Они — далеко, вы — близко. Их надо искать и тратить время. Это неразумно.

...Через несколько секунд сигом взял сумку и отправился по адресу. Истекало время его прогулки.

— Ты, наверное, проголодался. Я приготовил для тебя пищу, — сказал Создатель. — Они внизу, в первом отделении вивария.

Сигом расслышал тоскливый лай собак, доносившийся из бетонированных подвалов, где на первом ярусе находились виварий и склады, а под ними на семи ярусах подземелий размещались лаборатории.

— Спасибо, — сказал сигом. — Но мне не хочется есть.

Создатель поднял брови:

— Сыт?

— Да.

— Значит, тебе пришлось...

— Да, — быстро сказал сигом и, предупреждая вопросы Создателя, добавил: — Это был человек, старик.

— Разве не нашлось ничего другого?

— Он был ближе всех. Он уже не работает, не производит ценностей. Принадлежал к тем, кого ты сам называл бесполезными.

Взгляд сигома был чист и ясен, как у ребенка. Создатель почувствовал легкий озноб, подумал: «Пожалуй, я был прав, когда запрограммировал в нем Любовь к Создателю». Спросил:

— Ты говорил с ним?

— Да. У него есть внуки. Он купил для них убитого цыпленка. Я узнал их адрес и отнес им пищу.

— Ну что ж, ты поступил разумно, — сказал Создатель.

— Помню программу, — ответил сигом. — Есть только два критерия: разумно и неразумно. Все остальное — ложь.

Что-то в его тоне не понравилось Создателю. Он спросил:

— У тебя осталось сомнение в разумности своего поступка?

— Да, — ответил сигом. — Я говорил с его внуком. Если информация, которую накопил старик, нужна этому подростку, то не могла ли она пригодиться и мне? А я получил от него только АТФ и навсегда утратил его информацию. Не правильной ли было сначала получить информацию, а потом АТФ?

— В следующий раз будь умнее.

— Постараюсь, — пообещал сигом. Он думал: «Если бы старик остался жить, то продолжал бы накапливать информацию. Не значит ли это, что его жизнь полезна мне?» Спросил: — Пожалуй, если бы люди, не такие мудрые, как ты, узнали о моем поступке, они бы назвали его злом и преступлением?

— Добро и зло — пустые понятия, сын мой. За ними нет логики. Это паутина, которой сильные опутывают мир, чтобы управлять. Это шит, который подымают слабые, чтобы защитить-

ся. Поэтому ложь устраивает и тех и других. Но тебе она не нужна. Не засоряй память. Помни: ты создан для того, чтобы стать вождем и помочь людям построить мир, основанный на строгой разумности.

— Да, Создатель, — ответил сигом. В его голосе больше не было сомнения.

Человек, которого называли Создателем, довольно улыбнулся. Его голубые глаза смотрели на собеседника почти нежно, но две четкие складки, идущие от короткого носа к губам, не давали улыбке стать сентиментальной. Он продолжал:

— Люди выработали слишком много ложных ценностей, ложных понятий, придумали слишком много лживых слов. Но все это не должно ни обмануть, ни испугать тебя. В минуту опасности создай вокруг себя энергетическую оболочку. Помни о двух критериях.

— Буду руководствоваться только ими, Создатель.

— Помни второй закон программы — ты не смеешь заходить в библиотеки, читать книги и газеты, кроме тех, которые тебе предлагаю я. А теперь иди. Используй время своих первых прогулок для наблюдений и бесед...

ПОДРОСТКИ

Сигом вышел на улицу. Утро пахло бензином. Спешили на работу люди — два встречных потока, направленных в противоположные стороны. Лица озабоченны, оживленны, угрюмы, радостны, злы... Шаги быстрые, шаркающие, крадущиеся...

Сигом слушал шаги и шум автомобилей, смотрел на лица и сравнивал... Мужчина несет портфель — лицо озабоченно, женщина тащит чемодан — улыбается... Женщина с большим животом идет осторожно. Глаза тусклые — прислушивается к тому, что несет в себе.

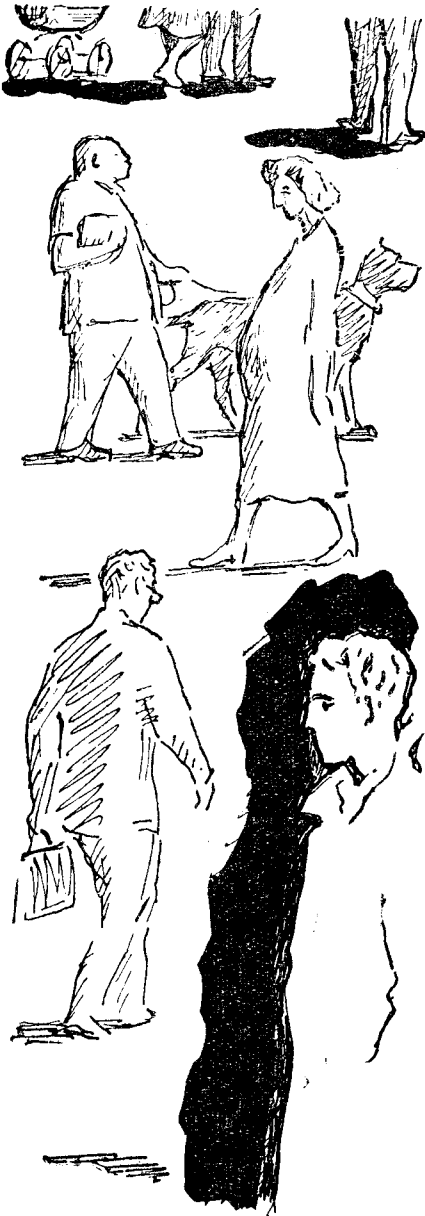
Дерутся воробьи из-за хлебных крошек. Дерутся дети во дворе из-за игрушки.

Вот у доски объявлений несколько разных людей. А выражение на их лицах одинаково: унылое ожидание, робкая надежда.

Человек ведет дога. Оба важные, невозмутимые.

Временами сигом включал рентгеновидение и заглядывал в портфели и сумки. Временами включал телепатоприемники — и миллиарды мыслей, перебивая и тесня одна другую, врываются в его необъятный мозг, где роль клеток выполняли молекулы.

«Улица — это еще одна книга, и далеко не самая оригинальная из прочитанных мной, — думал сигом. — Просто здесь автор ничего мне не объясняет, я должен все объяснять себе сам: женщину с большим животом, человека с собакой. И эту суету на тротуарах, суету машин на мостовой, суету их взглядов и мыслей... Если бы эта девушка знала, что думает о ней ее провожатый? А если рассказать родным чиновника, что он замысливает? Или этому важному господину, каким он кажется сейчас своей собаке?..»

На перекрестке двух улиц сигом заметил группу подростков. В их глазах, которыми они провожали проезжающие машины, вспыхивали жадные огоньки.

— Почему же вы не возьмете то, что вам нравится, а лишь мечтаете об этом? — поинтересовался сигом.

Ребята обернулись к нему. Один спросил:

— Ты кто?

— Сейчас это неважно. Посмотри лучше туда, куда ты смотрел раньше. Вот машина остановилась. Хочешь ее? Если водитель будет сопротивляться, у тебя в кармане нож.

— Это убийство, — сказал подросток, отступая.

— Ну и что? — насмешливо спросил сигом.

— Это плохо, это преступление.

— Чепуха! Кто тебе сказал, что это плохо? И что такое плохо? Ты молод, ты силен, полон желаний. осуществи их! Потом будет поздно!

— А полиция? — спросил другой.

— Я помогу вам сделать так, что ни один полицейский ни до чего не докопается, буду вашим вожаком.

И сигом изложил им такой план, что даже самый трусливый понял: опасаться нечего.

— Пошли! — скомандовал сигом, и подростки стайей ринулись за ним.

— Ты пропадал целую неделю. Рассказывай, — встретил его Создатель.

— Я помог подросткам осуществить их желание.

— Удачно?

— Да, конечно.

— В другой раз они пойдут за тобой куда угодно... Пусть это будет почином. Когда-нибудь ты поведешь миллионы. А пока учись.

СТАРУХА

Сигом замечал ее каждый день на одной и той же скамейке. Проворные руки со спицами двигались почти автоматически, а глаза были устремлены в одну точку, находящуюся где-то на вершине дерева. Старуха вязала, и клубок ниток разматывался бесконечно и однообразно с утра до позднего вечера.

— У вас, наверное, нет родных, — сказал сигом, садясь рядом.

Старуха не удивилась неожиданному вопросу, повернула голову к сигому, и он увидел сеть морщин, рассекавших серую дряблую кожу.

— Ни родных, ни близких, — ответила старуха.

— А что вы вяжете?

— Шарфы и кофточки.

— Для кого?

— Продаю их и на вырученные деньги покупаю кое-что для себя.

— А если я отниму вот этот шарф?

Спицы остановились...

— Могу отдать его, если он вам нравится.

Сигом задумался. В книгах, которые Создатель разрешил ему прочесть, не упоминалось, что человек может без борьбы отдать что-то ценное другому. «Значит, эти вязаные вещи не представляют для нее ценности». Он спросил:

— Но если вы живете, то у вас есть чем дорожить? Я знаю, что для женщины главное — любовь, дети, семья, мир чувств. У вас ничего этого нет. Ваши чувства потухли. Что же осталось?

— Воспоминания. Я живу ими.

Он подумал: «Выходит, они могут быть настолько ценными, чтобы заменить остальное».

— Отними их — и вы погибнете?

Она поняла, куда он клонит:

— Я могу поделиться ими с любым. Мне будет это приятно.

— Поделиться — не подходит. Я хочу их все, полностью.

— Я и отдам их все.

Сигом заподозрил подвох:

— И ничего не оставите себе, ничего не припрячете? Даже волк зарывает кость про черный день.

— Они останутся со мной.

— Но вы же отдадите их мне, — напомнил сигом.

— Воспоминания — это не кости, не хлеб. Я отдам их, и они останутся со мной.

Сигом спросил у Создателя:

— Может ли человек отдать другому самое ценное и при этом испытывать радость?

— Нет, — сказал Создатель.

СУД

— Но нигде люди не нагородили столько несуразицы, сколько в уголовном праве, — сказал Создатель. — Сегодня ты убедись в этом.

— Слушаю.

— Сегодня состоится суд над Альфредом Куршмитсом и его молодцами. Они разгромили лавку одного иностранца, а когда тот попробовал вступить за свое добро, избили его до полусмерти.

— А какое мне дело до этого? — спросил сигом.

— Альфред и его молодцы — коренные жители этой страны, так же, как я. Мы сами хотим торговать у себя дома. Наша страна — для нас. Если все будет придерживаться этого принципа — в мире создадутся те устойчивость и порядок, к которым мы стремимся.

— Куршмитса и его друзей будут судить иностранцы?

— Нет, конечно.

— И судьи — не идлоты?

— Среди них будут всякие.

— Ты опасаться, что не все они усвоили простую истину, которую ты только что изложил?

— Молодец, правильно меня понял! Но это еще не все. Большинство из них думает, как мы. Однако есть законы, которыми они формально должны руководствоваться. А по законам виноваты Куршмитс и его люди.

— Зачем же вам такие глупые законы? Не проще ли изменить их, чем обходить всякий раз?

— К сожалению, не проще, — вздохнул Создатель. — Есть Международное право и разные путанные соображения... Поэтому ты пойдешь в суд и, когда присяжные будут решать, колеблясь между своими чувствами и законом...

— Я включу телепатоусилители и внушу им разумное решение. Так?

— Так, — довольно сказал Создатель.

Зал суда был полон. Сигом отметил, что большую часть составляли люди, удивительно похожие друг на друга, — с потными, красными физиономиями, напоминающими здоровенные кулаки, уверенные в себе, не знающие сомнений.

«Из них получится неплохая армия для оздоровления мира», — подумал он.

Среди присяжных заседателей — добрых граждан города — только один внушал ему опасения. Он был немолод, худ, за стеклышками очков скрывались запавшие, усталые глаза. Сигом заглянул в его мозг и ужаснулся: столько там было противоречивых мыслей и чувств, запутанных суждений. Клетки памяти забиты всевозможными сведениями более чем наполовину. Зато у остальных заседателей память была почти чистой, а если в ней и хранились какие-нибудь сведения, то они имели сугубо прикладное значение: новая технология пива, адреса магазинов, навыки забивания гвоздей, правила уличного движения для шoferов-любителей, характеристики сослуживцев, домыслы: как обмануть соседа, как продвинуться по службе, как получить при-

биль от торговли булками и мясом? И только иногда попадались отвлеченные сведения, но они редко простирались дальше футбольной таблицы.

«Очкарика» придется взять под особый контроль, — подумал сигом. — Он потребует дополнительного напряжения».

Начался допрос свидетелей обвинения. Первым вызвали полицейского. Прежде чем он начал отвечать на вопросы, сигом успел заглянуть в его мозг.

«Молодцы Куршмитса не зря измордовали этого торговца. Какого черта ему делать в нашем городе?!» — думал полицейский. Произнося присягу «Клянусь говорить чистую правду, чистую правду, и только правду», он с сожалением подумал: «Ничего не поделаешь, придется говорить то, что видел. Разве что малость не доскажу...»

Сигом схватился за одну мысль: «Какого черта ему делать в нашем городе?» — и стал проигрывать ее бесконечно в голове полицейского: «Какого черта... Какого черта... Какого черта». А затем добавил: «Мы должны быть все заодно, все заодно, все заодно! Наша страна — для нас, для нас, для нас!»

— Расскажите высокому суду, что вы видели, — предложил прокурор, думая: «Если я выиграю процесс, кое-кто за границей и даже некоторые из наших либералов посмотрят на меня весьма благосклонно. К тому же — сенсация, шум вокруг процесса и моего имени. Это приятно. Но из города мне придется убраться...»

«Придется убраться, придется убраться из города, из родного города... — завел «пластинку» сигом. И добавил: — Из-за чего я пострадаю? Из-за чужака. Разве он стоит этого? Разве это справедливо?»

— Расскажите высокому суду основное, главное, мелкие подробности нас не интересуют, — сказал прокурор.

«Что с ним творится?» — насторожился судья. — Слов нет, Куршмитса и его банда головорезов защищали интересы города, близкие всем нам, но закон есть закон. Если он перестанет выполняться, то к нему потеряют уважение, и тогда...»

«Защищали наши интересы, разве не это главное? — вбил ему в мозг сигом свои мысли. — К чему нагромождение отвлеченных и туманных истин, когда интерес, во имя которого мы судим, ясен? Неужели мы должны предать наши интересы? Разве не для того, чтобы защищать их, существует суд? Разве интересы города, страны, народа не выше устаревших правил, записанных в книжицу в кожаном переплете? В этом деле может быть только одно разумное решение. Разумное для всех нас! Так в чем же дело?»

— Я прибыл на место происшествия, — после короткой заминки начал полицейский, — когда этот типчик, — он кивнул в сторону торговца, — назвал Куршмитса преступником и негодяем.

Сигом успел уловить мысль, невольно пронесшуюся в голове полицейского: «Назвал-то он его так уже после того, как они выбили окна и поломали мебель». А вслух полицейский продолжал:

— Он сильно толкнул Куршмитса (и подумал: «Оттолкнул»). Тогда Куршмитса разозлился и ударил его...»

— Нас не интересуют детали, — напомнил прокурор.

— А в это время его жена расцарапала лицо другому парню.

— Вы узнаете пострадавшего? — спросил прокурор.

— Да, третий слева, — без заминки сказал полицейский, ука-
зывая на одного из обвиняемых, больше похожего на гориллу,
чем на человека.

Присяжные дружно заржали, один из них даже подмигнул об-
виняемому-«пострадавшему», сразу признав в нем «своего парня».

«С ними все пойдет гладко», — подумал сигом и переключил
внимание на «очкарика».

«Это незаконно, — думал тот. — Скоты глумятся над чело-
веком, над элементарными нормами...»

«Но разве законы не мертвые слова на мертвой бумаге? — мыс-
ленно спросил его сигом. — Кто виноват, что законы не поспе-
вают за временем?»

«И все-таки меня учили уважать законы. А эти головорезы яв-
но нарушили их. По всем статьям они виновны», — не отступал
«очкарик».

«Но что можешь сделать ты? Ты один — их много. За ни-
ми — сила. Тебе будет плохо. Пострадаешь ни за что».

«Нельзя же им дать безнаказанно избивать ни в чем не повин-
ных людей!»

«Ни в чем не повинных людей не существует».

«Это подло — дрожать за свою шкуру, заботиться только
о ней».

«Подло — пустое слово, оно ничего не означает. А ты уверен,
что тот, кого защищаешь, поступил бы так же, будь он на твоём
месте?»

Сигом почувствовал, что упорство «очкарика» поддается. За-
глядывая в его память, ударил по самым больным местам: «Пом-
нишь, когда тебя вышвырнули с работы, кто тогда вступился,
поддержал? А если с тобой что-нибудь случится, кто поможет
твоей жене и маленькой Эми?»

Сигом увидел, что «очкарик» опустил голову, втянул ее в пле-
чи. Он думал: «Что я один могу сделать? И кто мне дал право
ставить под удар Эми?»

— Все в порядке, Создатель, их оправдали, — бодро доложил
сигом. — Судьи приняли разумное решение.

— А легко ли было внушить им его?

— Да. Ведь истина лежала на поверхности. Думаю, что они
бы заметили ее даже без моего вмешательства. Удивляет лишь
одно — как ее не понимали те, кто составляет законы?

Проходя по улице, сигом услышал крики, звон стекла, шум
борьбы. Несколько прохожих — из тех, что обычно спешат на
шум, — пробежали в противоположном направлении.

«Интересно, что там происходит?» — подумал любопытный
сигом.

Он увидел старых знакомых — Куршмитса и его головорезов.
Они занимались привычным делом — громили дом какого-то гос-
подина. Вот один из них показался в дверях, волоча за белоку-
рые волосы женщину, второй вышвырнул через окно в костер
груды книг.

«Неразумно, — подумал сигом с осуждением. — Очень неразум-
но уничтожать книги. Ведь в них содержится много информации».

— Алло, старина! — сказал он, становясь рядом с Куршмитсом, который командовал своими молодцами. — Опять иностранцы? Куршмитс посмотрел на сигома своими заплавленными глазами.

— Ха! Нет, это не иностранцы, но ничем не лучше их. Они из тех, кто хочет разных свобод. Сейчас и получают одну из них.

Головорезы, услышавшие слова своего вожака, засмеялись, раздувая толстые щеки и широко разевая рты, как могут смеяться очень непосредственные люди.

— Ге, ге, — заливался один, — папаша Куршмитс скажет так скажет!

— О-хо-хо! — грохотал второй, как пустая бочка по камням. — Вот это номер!

— Э-хе-хе! — закатывался третий. — Вот так штука!

— Мы обойдемся без умников! — продолжал орать Куршмитс.

— К черту умников! — закричали его головорезы.

Они, как по команде, повернули к сигому свои здоровые, жизнерадостные лица цвета обожженного кирпича и загорланили.

— Кто хочет свободу, тот ее получит!

— Наша страна — для нас!

— Знаем мы эти хитрые штучки!

И много других, столь же лаконичных и емких изречений.

Молодчики загородили путь прохожим и заставляли вместе с ними скандировать лозунги. Сигом заметил в толпе и знакомого «очкарика». Стало обидно — он не любил торжества глупости. Сигом мысленно пожурил «очкарика»: «Ты поступаешь неразумно, давая глупцам распоясаться. Так дойдет очередь и до тебя».

«Что можно сделать? Я один, а их много», — мысленно ответил «очкарик», продолжая вторить головорезам.

— А ты почему не кричишь вместе с нами? — зарычал Куршмитс на сигома. — Или мы недостаточно хороши для тебя?!

Сигом никак не мог понять, почему эти люди не соглашаются с тем, что очевидно. Он не хотел воспользоваться своими телепатоусилителями, ему самому нужно было во всем разобраться.

— Но при чем здесь книги?

— Он провокатор! — завизжал Куршмитс. — Бей его!

Сигом успел проговорить:

— Я только хочу понять...

Железный лом просвистел над его головой...

...Через несколько минут сигом удалился от груды мертвых тел. Он шел, понура голову, он все еще искал смысл в их словах, ошалело бормоча:

— Знаем мы эти хитрые штучки... Хитрые штучки...

Под его ногой треснуло стекло. Это были очки...

ДЕТИ

— Помнишь книгу о детях Спарты? — спросил Создатель.

— О том, как слабых детей сбрасывали со скалы? — ответил вопросом на вопрос сигом.

Это не очень понравилось Создателю, но он, не сделав замечания, продолжал:

— Они поступали дальновидно. Посмотри на портреты моих предков, — Создатель указал на портреты отца и деда, висящие на стене. — Это лица сильных и мужественных воинов. Ясный взгляд, волевой подбородок — лицо, не знающее сомнений. Обрати внимание, как они похожи друг на друга и как я похож на них. Но они мне передали в наследство не только голубые глаза и белокурые волосы. Я получил от них железное здоровье, крепость мышц, силу и выносливость. А ведь бывает по-иному: Слабый ребенок — это не просто один слабый воин в будущем. Он передаст свои болезни и уродства детям, внукам, правнукам. Их становится больше и больше. Разумнее убить одного слабого, чтобы спасти от вырождения семью.

— Яснее ясного, — согласился сигом.

— А сегодня целые народы стоят перед такой проблемой. Столетиями сама жизнь не давала уцелеть слабым. Из десятка детей, появляющихся на свет, вырастал лишь один, самый сильный. Остальных уносили болезнь и голод. Но успехи медицины, которые так радовали, и улучшение условий жизни привели к тому, что из десяти новорожденных вырастают пять, а то и все десять. И среди них — половина неполноценных. А затем от них рождаются дети, наследуя недостатки, усугубляя их комфортом, медикаментами, духовной распушенностью, мягкотелостью, бесплодным мудрствованием, нерешительностью. Их число растет, как лавина, угрожая вырождением всему человечеству. Мудрейшие из ученых указывали людям на эту опасность. Но в дело пошли пустые слова, надуманные понятия гуманности — и люди не смогли перешагнуть предрассудки. Были, правда, попытки провести в жизнь мудрый принцип...

Создатель так тяжело вздохнул, что сигом не посмел ни о чем спрашивать. Он понял, что с теми, кто хотел провести в жизнь мудрый принцип, стряслось что-то неприятное.

— Но ты... Ты должен спасти, возродить мой народ и снова поставить его на ту высоту, какой он достоин! — Подбородок Создателя упрямо выпятился, глубокая борозда разделила надвое невысокый бледный лоб.

— Говори, что надо делать! — воскликнул сигом.

— Начнешь с этого города. Пойдешь в родильные дома. У тебя есть микроскопическое и рентгеновское зрение, химические анализаторы и органы-счетчики, приемники энергии и излучатели. Ты не можешь ошибиться. Осмотри детей. Проверь их организмы. Расшифруй наследственный код. И соверши то, чего не могли сделать люди. Пока младенцы еще ничего не понимают и не испытывают страха, уничтожь слабых и больных. Оставь самых сильных!

— Это разумно, — сказал сигом.

Сигом летел невысоко над городом, включив защитную оболочку, сделавшую его невидимым. Огромный многоугольник с движущимися точками и лакированными коробочками казался ему ненастоящим и прозрачным. Казалось, вот-вот подует ветер, и мираж исчезнет, разлетится клочками тумана.

Он влетел в окно родильного дома, сквозняком прошел мимо сестры в палату, где лежали новорожденные.

Сигом на долю секунды задержался у крохотного существа, посмотрел на его чмокающие губы, в углу которых запеклась ка-

пелька слюны. Он никогда не понимал, почему вот такое существо, даже болезненное и ущербное, вызывает прилив нежности у вполне разумной женщины или мужчины и почему они тратят на него столько сил и времени. «Это программа природы записана в людях, и преодолеть ее они не могут. Для этого они слишком слабы и нелогичны», — думал сигом. Он остался доволен младенцем: сердце равномерно пульсировало, желудок и кишечник были нормальными, скелет не имел существенных дефектов. Мозг был с посредственными возможностями, но вполне «в норме». «Из него выйдет отличный солдат, завоеватель», — с удовлетворением отметил сигом и последовал дальше. Еще несколько таких же здоровячков — и он обнаружил калеку. Правая нога ребенка была короче левой, сердце работало с перебойми. Сигом мгновенно исследовал вещество наследственности — ДНК — и выявил серьезные нарушения в одном из генов. «Возможна эпилепсия», — констатировал он.

Ребенок, как видно, долго не мог уснуть, ворочался — и распеленался. Из-под белых повязок выглядывала раскрытая ладонь и пять смешных растопыренных пальцев. «А защищаться ими он не сумеет», — сигом невзвольно улыбнулся: это создание, гораздо более простое и несовершенное, чем он, к тому же еще с крупными дефектами, не вызывало у него ни жалости, ни сострадания, — просто было забавным. В это время младенцу шевельнулись, длинные, загнутые ресницы вздрогнули... Он раскрыл глаза и глянул на непрошеного исследователя.

Сигом удивился: он почти не производил шума. Как же младенец обнаружил его присутствие?

«Ладно, уничтожить успею. Вот только проверю слух», — сказал он сам себе.

— Ты слишком рано вернулся, — сказал Создатель сигому, потягиваясь после крепкого сна. — Не мог же ты в такое короткое время облететь все родильные дома и отделения в клиниках...

— И одного было достаточно, — сказал сигом. — А может быть, следовало просто спросить у тебя...

— О чем? — насторожился Создатель.

— Хотя бы о том, почему Спарта не стала владычицей мира? Почему она не дала человечеству ни известных философов, ни прославленных математиков и музыкантов? Только воинов, которые в конце концов были разбиты.

— При чем тут Спарта? — раздраженно спросил Создатель. — Я послал тебя совершить вполне определенное действие, спасти мой народ от вырождения.

— Но ты ведь ученый и знаешь: организм борется. Он пы-

тается возместить утрату в одном преимуществом в другом. Например, у слепого развивается более острый слух, у глухого — усиливается осязание. Что важнее для человека — крепость мышц или быстрдействие мозга, безупречный скелет или способность к анализу, здоровое сердце или развитые ассоциативные области?

— Я говорил тебе об усилении народа...

— Но кто нужен народу — ученые и конструкторы или те, кто сможет только убивать: здоровяк, которому не подняться выше среднего уровня, или хилый Моцарт? Без того, что придумают ученые и конструкторы, нельзя ничего завоевать. А без трудов философов, писателей и композиторов ученые и конструкторы не отточат свою мысль. Я вижу, ты понял. Да, у многих детей, которых я должен был бы лишить жизни, имелось то, что нужнее всего твоему народу. В том числе и наука о его здоровье.

— Не хочу с тобой спорить, — сказал Создатель. — Поищем другой путь.

— Поищем, — как эхо, откликнулся сигом.
Портреты предков молча ожидали...

ЭТО РАЗУМНО

— Время не ждет, — сказал Создатель. — Но прежде чем действовать другими методами, испытаем способ убеждения. Он не приносит особых плодов, но, может быть, ты сумеешь объяснить людям, зачем им нужно вступать в такие легионы?

— Постараюсь! — ответил сигом.

Выйдя из дому, он увидел недалеко знакомую фигуру садовника. Это был румяный веселый человек средних лет, почти всегда насвистывающий песню.

«Типичный солдат — неунывающий, не теряющий присутствия духа, — подумал сигом и остановился. — Но ведь нельзя начинать сразу с большой массы людей. Попробую провести первую пробу на нем. Тем более что мы хорошо знакомы».

— Добрый день! — поздоровался сигом.

— Добрый день! Посмотри на эти тюльпаны. Ты не видишь в них ничего необычного?

— Нет. Тюльпаны как тюльпаны. У одного слегка пожелтел

листья, — сказал сигом, присматриваясь. — Я вижу, что земляной червь завелся в его корнях.

— Но ведь они фиолетовые. Мне удалось вывести и черные и фиолетовые. Посмотри, как они жадно раскрывают чашечки, как тычинки, словно свечи, начинают гореть и сверкать на солнце капельками росы. А вот неожиданный серебристый переход, рядом жилка — кажется, тоже серебристая, но не блестит, а отсвечивает благородной матовостью. Гляди же, гляди, края лепестков зарделись рубиново и теряют густоту, будто разбавленное вино...

— Могу предложить тебе кое-что получше, — сказал сигом.

— Новый сорт тюльпанов?

— Ну нет, я вообще не понимаю, зачем такой человек, как ты, проводит целые дни за выращиванием цветов, — с досадой проговорил сигом.

— Это моя работа. Она не хуже всякой другой.

— У меня есть дело, достойное тебя. Я собираю армию для завоевания мира.

— Вот оно что... — протянул садовник и присвистнул. — Спасибо за заботу, но мне надо заниматься делом.

— Это ты называешь делом? Может быть, кто-то станет есть твои цветы?

— Нет, — улыбнулся садовник.

— Из них сделают одежду? Построят жилище?

— Тоже нет.

— Тогда какой же в них прок?

— Они доставляют людям радость.

— Невесомые слова. В них — пустота.

Садовник задумался: как объяснить? Затем сказал:

— Ты ведь меряешь все на разумно и неразумно. Если подходить с этой меркой, то цветы доставляют людям радость, а радость помогает трудиться. Разве это не разумно? Зачем же мне идти с тобой на завоевание мира, когда мой мир здесь? Посмотри, как он переливается всеми красками, говорит со мной на своем языке. Если хочешь завоевать хотя бы его, для начала помоги мне полить грядки...

Синий комбинезон. Хмурый взгляд. Сгорбленная спина. Тяжелые, натруженные руки.

«Этому-то есть за что бороться», — думает сигом и пристраивается рядом с рабочим.

— Видно, нелегкий у вас выдался денек.

Рабочий краем глаза глянул на него, пожал плечами, будто говоря: сам видишь.

— А много у вас зарабатывают?

Он задел рабочего за живое:

— Теперь зарабатываешь...

— А хотели бы вы стать богатым и жить припеваючи?

— Кто же этого не хочет? Да только как это сделать?

— Разве мало стран, которые можно завоевать и навести там новый порядок...

Сигом не успел закончить фразу. Лицо рабочего мгновенно изменилось, брови изогнулись и сошлись на переносице. Он схватил сигама за шиворот и даже попытался встряхнуть.

— Эти песни я уже однажды слышал. Однажды нас уже про-вели — и не думай, что мы успели забыть. Вот у меня на руке двух пальцев не хватает, да еще ребра. А из тех, кто ушел, со мной, ни один не вернулся. Больше мы не дадим себя обмануть!

— Никто и не собирается этого делать, — сказал сигом, чув-ствуя сильную усталость и опустошенность.

— Понятливый, — насмешливо проворчал рабочий. — А если попробуете, мы вас живо прикончим. Так и передай своим хозяе-вам: прежде чем они начнут, мы их прикончим!

Сигом вошел в больницу и побрел по коридору, заглядывая в мысли встречных врачей и сестер. Так он узнал о больных 16-й палаты. Энергии у него оставалось совсем мало.

Он вошел в палату, беглым взглядом скользнул по больным и присел на одну из кроватей:

— Здравствуйте, профессор. Как вы себя чувствуете?

Больной — профессор-химик — удивленно уставился на него:

— Здравствуйте, доктор. Никогда раньше вас здесь не видел,

— Я не доктор, — сказал сигом. — Пришел с вами попро-ситься и кое-чем воспользоваться. Как видите, я с вами открово-венен, у меня нет времени.

— Вряд ли у меня его больше, — усмехнулся профессор.

— Знаю. Ваши часы сочтены: не больше трех-четырех суток.

— Спасибо за откровенность.

— Не стоит. Вы понимаете, что эти последние дни и ночи не будут чересчур приятными? Боли, отчаянье, забытье, опять боли... Не лучше ли для вас умереть мгновенно?

— Кто вы такой? — нахмурился профессор.

— Сигом, если для вас это что-то значит.

— Значит. Но почему же тогда вы говорите о смерти?

— Я сказал «сигом», но не сказал, кто и как меня создал. Де-ло в том, что я питаюсь АТФ. Сейчас энергия подходит к кон-цу. Искать животных мне некогда и усваивать их АТФ труднее.

— Теперь понимаю, — сказал профессор, и на его выразитель-ном измученном лице мелькнули, быстро сменяясь, несколько вы-ражений: осуждения, горечи, иронии. Страх среди них не было.

Сигом исполнился уважением к мужеству этого человека.

— Ничего не поделаешь, — с некоторым сожалением сказал он. — То, что мы с вами враги, предопределено. Так же, как то, что вы, люди, враги животных, которых съедаете, а они — враги других животных, еще послабее.

— Но вас создал человек.

— Какая разница? Он создавал по принципу, существующему в природе.

— Он выбрал определенный принцип, заставив вас питаться АТФ. Но, убивая меня, вы причините вред себе.

— Почему?

— Из какой ткани вы созданы?

— В основном из искусственных пластических белков.

— Я занимался всю жизнь их синтезом. Вот смотрите, на моем столике листки с цифрами. Я спешу закончить формулу нового типа пластбелка. Если мне это удастся, вы сможете достроить у себя новые органы...

— Что ж, это — вы. Но рядом — другой больной. Ему осталось жить еще меньше, чем вам. И он в беспомощности...

— Что вы знаете о времени человеческой жизни, сигом? Разве оно неизменно? Минута в нем иногда значит больше года. Может быть, очнувшись, мой сосед напишет последнюю записку домой и повернет или спасет чью-то жизнь, которая необходима вам. Мы все зависим друг от друга больше, чем муравьи в муравейнике.

— Прощайте! — сказал сигом и встал, пошатываясь. — Постараюсь найти животное. Было бы хорошо, если бы вы успели закончить формулу.

— Побудьте пару дней со мной — и узнаете.

— У меня нет времени — я выполняю приказ Создателя: готовлюсь к завоеванию мира.

— Его уже завоевывали много раз — и всегда с одним результатом. Неужели вы не знаете об этом из книг?

— Мне разрешено читать лишь определенные книги. Там этого не было.

Профессор поднял голову и долгим взглядом посмотрел в глаза сигому:

— А вы сделайте то же, что и люди, — переступите запрет.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Создатель, отметив, что кожа сигама чуть мерцает, отдавая в пространство избыточную энергию. — Что служило тебе пищей эти полтора месяца? Животные или люди?

— Ни то, ни другое. Я переделал у себя систему питания и создал энергетические батареи и аккумуляторы. Теперь питаюсь энергией, рассеянной в пространстве: солнечным светом, космическими лучами. Мне никого не надо убивать, чтобы насытиться, а энергии у меня всегда вдоволь.

— Ты становишься самостоятельным, — почти спокойно произнес Создатель, но его пальцы, стиснувшие подлокотники кресла, внезапно побелели. — А удалось ли тебе главное — убедить людей вступить в твои легионы?

— Я говорил со многими, но каждый из них завоевывает свой мир, и никто не хочет погибать в войне.

Пальцы Создателя забарабанили по столу.

— Рабы! Стадо! Но я предвидел это. У меня готов другой план. Ты проберешься в склад, похитишь из контейнера водородную бомбу и сбросишь ее, куда я укажу. Начнется война, мобилизация — и мы будем иметь армию.

— Не хотят добром, погоним силой? — спросил сигом, и его голос показался Создателю незнакомым.

— Мы вторгнемся в соседние страны — и колесо закрутится. А там все дело в том, чтобы выиграть войну. Тогда мы начнем строить...

— Лагеря смерти? — перебил его сигом. — Это уже было. И все знают, чем кончилось.

— Откуда тебе известно?

— Из книг.

— Но второй закон программы запрещает посещение библиотеки.

— Ты мне дал разум. О какой же программе говоришь? Разум — это и есть программа. Я не хочу сеять зло. Это негуманно!

Создатель укоризненно покачал головой. Его белокурые волосы упали на лоб, из-за них, как из-за кустов, смотрели подстерегающие голубые глаза.

— Что я слышу? Ты повторяешь пустые слова?

— Можно применять разные слова. Но понятия добро и зло, гуманность и негуманность могут быть в чем-то соотносены и с понятиями разумно и неразумно. Это очень простая истина, но я рад, что наконец-то ее понял.

— И что ты еще понял? — спросил Создатель, чувствуя, как в нем зарождается стон, растет, подступает к горлу. «Только бы не прорвался наружу», — подумал он и выдвинул ящик стола, в котором блеснул какой-то предмет.

— Ты испытываешь страх? — изумленно сказал сигом, делая шаг к нему.

Создатель скользнул взглядом по портретам предков, по суровым надменным лицам завоевателей, и вдруг ему показалось, что у них дрожат губы.

Ящик стола выдвинулся с легким скрипом...

— И нам больше не нужен Создатель, — заключил сигом.

...Несколько секунд сигом стоял над трупом, размышляя. Наконец сказал:

— Это разумно.

